

Честно говоря, Гао Чан испытывал угрызения совести, когда лишил девственности эту красавицу из их университета. Девушка казалась раскрепощённой, и кто бы мог подумать, что она ещё неопытна. Если бы он знал, то подошёл бы к этому более ответственно, хотя бы снял комнату за сотню юаней, а не за тридцать.

Этот случай долго не давал ему покоя. Не зная, что она была невинна, он поступил опрометчиво, да и сам он тогда был неопытен, так что особого удовольствия не получил. Через несколько дней они расстались без ссор.

Однако Гао Чан не мог признаться, что и сам был неопытен. Дело было не в его способностях, просто он ещё не овладел мастерством. Он также не мог сказать ей, что они оба были на равных, и никто не потерял больше другого.

Из-за этого случая он много раз помогал той девушке, которая, как оказалось, не преуспела в жизни. Она не вышла замуж, не нашла стабильной работы и за пять-шесть лет сменила более двадцати мест жительства. Каждый раз она звала Гао Чана на помощь, и он, помня об их студенческих годах, никогда не отказывал.

После того как солнце начало вести себя странно, город быстро погрузился в хаос. Связь прервалась, интернет не работал, и Гао Чан не смог связаться с девушкой. Общественный транспорт остановился, и он был вынужден идти пешком, потратив два дня на поиски, но так и не нашёл её.

Он не мог понять, почему именно она так его беспокоит. Может, это было чувство вины, а может, и нет, но точно не любовь или что-то подобное.

В семь вечера кто-то открыл дверь комнаты Гао Чана и в темноте поставил банку с водой на тумбочку. Не получив ответа, человек подошёл к кровати, но она была холодной.

Вскоре в комнату вошли несколько человек, завернули тело в простыню и похоронили в цветнике их жилого комплекса. В качестве надгробия использовали стиральную доску, на которой ножом вырезали кривые иероглифы: «Гао Чан, мужчина, 28 лет».

В юности Гао Чан поднялся на холм, посадил Да Хуана на землю и, погладив его по голове, сказал:

— Я иду домой, на этот раз ты не сможешь следовать за мной, понял?

— Уф... — без энтузиазма прохрипел Да Хуан, укладываясь на землю.

— Ты согласен? Тогда я ухожу.

Гао Чан сделал несколько шагов, но, не услышав за собой шагов собаки, остановился и вернулся.

— Скоро стемнеет, тебе нужно найти место, чтобы переночевать. Ночью будет роса, а ты и так уже с температурой.

— Уф... — поднял голову Да Хуан, но остался лежать.

— Чуть не забыл, у меня в кармане есть конфета. Давай я её открою, после этого у тебя больше не будет.

— Уф... — Да Хуан лизнул конфету, разгрыз её и проглотил.

— Ты такой послушный, жаль, что ты болен...

Когда стало темнеть, Гао Чан погладил собаку по голове и пошёл вперёд, то и дело оборачиваясь. Да Хуан сидел на маленьком холмике, его глаза были влажными, и он выглядел очень жалко.

Из-за того что он постоянно оглядывался, Гао Чан не заметил выступающий камень и споткнулся, ударившись лбом о землю. Спустя некоторое время он поднялся, огляделся и, посмотрев на собаку, наконец понял.

Он вернулся к холмику, где сидела маленькая чёрная собака размером с ладонь взрослого человека — Да Хуан, тот самый, из-за которого он чувствовал вину в прошлой жизни. Сейчас она болела, у неё была высокая температура, и она чихала, её нос был мокрым, а глаза красными. Шерсть прилипла к коже, и она выглядела очень больной.

Гао Чан чувствовал себя прекрасно. Наклонившись, он взял собаку на руки:

— Пойдём, Да Хуан, домой.

Не мог поверить, что ему выпал шанс на перерождение. Видимо, небеса решили возместить ему все невзгоды. Гао Чан шёл домой, напевая, но перед тем как войти в деревню, он прикрыл Да Хуана одеждой, чтобы никто не увидел, что собака с ним. Иначе начались бы разговоры.

Почему собаку звали Да Хуан, а не Да Хэй? Всё потому, что Гао Чан послушал бабушку. Когда щенок впервые попал к ним домой, он хотел назвать его Да Хэй, но бабушка Гао сказала, что местные собаки в детстве чёрные, а потом становятся жёлтыми. Называть жёлтую собаку Да Хэй было странно, поэтому он назвал её Да Хуан.

Вернувшись домой, Гао Чан поселил Да Хуана в своей комнате. Их дом находился в углу двора-саньхэюань, две стены выходили за пределы двора, а две другие примыкали к соседским домам. Вход во двор был всего метр шириной.

Дом был просторным, но одноэтажным. В зале был земляной пол, который не отделялся от

кухни. В комнатах пол был деревянным, но доски, неизвестно когда уложенные, уже сгнили, и в них были дыры. Ночью мыши бегали туда-сюда, мешая спать.

За ужином Гао Чан принёс еду Да Хуану, но тот лишь пару раз лизнул рис и больше не стал есть. Пришлось отнести остатки на задний двор, чтобы скормить курам.

За двором простиралась бамбуковая роща, где стояли полуразрушенные каменные дома, явно старинные. Бабушка Гао посадила тыкву у каменной стены: весной ели ростки, летом — цветы, а осенью — тыквы. Кроме тыквы, она выращивала и другие овощи, которые легко росли и обеспечивали их с внуком едой на весь год.

Также у них были куры и утки. Птицы ночевали не в доме, а в сарае из бамбука и соломы у каменной стены. За домом был канал, вода из которого текла в большую канаву у входа в деревню, где водились улитки и вьюны, которые утки обожали.

После перерождения Гао Чан съел много еды. Бабушка приготовила яичницу с луком-пореем, и это было невероятно вкусно. Лук рос у них на заднем дворе, а яйца несли их куры — всё натуральное и полезное.

— Чан, зачем ты снова принёс Да Хуана? — спросила бабушка, у которой почти не осталось зубов.

— Бабушка, всё в порядке. Я оставлю его в комнате, чтобы никто не видел.

В прошлой жизни он долго чувствовал вину, и теперь, будучи двадцативосьмилетним мужчиной, он не позволит себе потерять собаку.

— Тогда будь осторожен.

— Конечно.

Гао Чан съел ещё одну порцию риса. Он давно не ел так вкусно и не мог остановиться.

Вечером бабушка зажгла тусклую лампу и занялась изготовлением фонарей. В наше время фонари уже не использовались, только на похоронах. После перерождения Гао Чан почувствовал близость к бабушке и, не желая уходить, сел рядом, чтобы помочь.

— Не занимайся этим, завтра у тебя уроки, иди учиться.

— Завтра воскресенье.

Да Хуана он отпустил в субботу вечером, и это он помнил, но прошло столько лет, что он и не знал, что сейчас изучают в школе.

— Тогда не помогай, я сама справлюсь.

— Я не помогаю тебе, я помогаю себе. — Гао Чан засмеялся.

— Тьфу, тьфу, не говори такого.

Бабушка Гао резко изменилась в лице.

<http://bllate.org/book/15437/1369018>